

doi: 10.20310/1819-8813-2015-10-10-98-104

БЕДНОСТЬ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СИСТЕМНЫЕ РЕАЛИИ

НЮХНЯ ИРИНА ВИКТОРОВНА

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: econom_404@mail.ru

В настоящей статье представлены результаты исследования проблемы бедности как угрозы экономической безопасности государства с двух позиций: во-первых, с точки зрения методических подходов к оценке уровня национальной бедности и возможности межстранового сопоставления данного явления и, во-вторых, с точки зрения механизма влияния бедности на устойчивость национальной экономической системы. В результате исследования первого аспекта установлено, что принятые в настоящее время методики межстранового сопоставления уровня бедности вызывают определенные сомнения, связанные с различными этапами исторического развития стран даже в рамках одной статистической группы (развивающиеся страны группы БРИКС), которые характеризуются различными климатическими зонами, различными культурными традициями, и структурными особенностями экономики, затрудняющими сравнительный статистический анализ. Различия в методических подходах обусловлено, прежде всего, разным уровнем жизни в странах мира. В развитых странах объектом социальной политики является относительная бедность, тогда как в развивающихся странах – абсолютная бедность, которая является неоднородной по своей структуре. Бедность как угроза экономической безопасности государства тесно связана с восприятием бедности и ее причин на субъективном уровне, определяющем социальное поведение населения. Влияние обеднения населения страны на устойчивость ее экономической системы усугубляется растущим диссонансом между внешней и внутренней политикой российского государства. На фоне актуализации ценностных ориентиров внешней политики, близких культурному архетипу российского общества, падение уровня жизни большей части населения, сопровождающееся ростом имущественной дифференциации общества, вызывает неприятие существующей модели социальных отношений в России и является серьезным фактором дестабилизации российского общества.

Ключевые слова: бедность, социальное неравенство, экономическая безопасность

Несмотря на то, что изменение текущего миропорядка генерирует новые вызовы и угрозы экономической безопасности государства, низкий уровень жизни населения, социальное неравенство и обеднение населения в теории экономической безопасности рассматриваются в качестве значимой и безусловной внутренней угрозы. Сама по себе дифференциация общества является атрибутом любой общественной модели, решающее значение имеют масштабы и причины бедности, как проявления социального неравенства. В этой связи осознание бедности как угрозы экономической безопасности государства требует решения целого комплекса методических и теоретических проблем в приложении к конкретному типу хозяйственной системы и историческому контексту ее развития.

Бедность присуща любой национальной экономической системе вне зависимости от общественного строя и уровня экономического развития

той или иной страны. В научной литературе наиболее распространено понятие «бедность» как материальная необеспеченность людей, когда доходы человека или семьи не позволяют поддерживать общественно необходимое потребление для обеспечения жизнедеятельности, препятствуя нормальному существованию и развитию личности.

Можно выделить три основных подхода к измерению уровня бедности:

1. Абсолютный подход к измерению бедности основан на установлении минимального перечня основных потребностей (прожиточного минимума) и размера ресурсов, требуемых для их удовлетворения. Впервые данный подход был применен в конце XIX - начале XX вв. в эмпирических исследованиях бедности в Великобритании. Согласно этому подходу, для определения абсолютно бедного человека необходимо установление границы абсолютной бедности, выраженной в конкретно установленной цифре. Другими словами,

уровень абсолютной бедности определяется с точки зрения наличия у субъекта минимальных денежных средств, необходимых для физического существования.

2. Относительный подход к измерению бедности основан на соотношении показателей благосостояния с уровнем материальной обеспеченности, преобладающим в конкретной стране.

Основателем относительного подхода считается английский социолог П. Таунсенд, который рассматривал бедность как состояние, при котором из-за нехватки экономических ресурсов ведение привычного для большинства членов данного общества образа жизни становится невозможным. В основу своего анализа бедности он положил такое понятие, как набор испытываемых лишений, или многомерная депривация, которую он понимал как состояние наблюдаемого и доказуемого невыгодного положения индивида, семьи или группы на фоне сообщества, общества или нации в целом [1]. В общем виде депривация (лат. *Deprivatio* – лишение) означает социальный процесс сокращения и/или лишения возможностей удовлетворения основных жизненных потребностей индивидов или групп [2]. А вот понятие многомерной депривации было введено П. Таунсендом потому, что наряду с материальной депривацией, включающей такие показатели, как питание, одежда, жилищные условия, предметы длительного пользования, место и состояние среды проживания, условия и характер труда, им использовались и показатели социальной депривации, включающие характер занятости, особенности проведения досуга, образование и др.

На сегодняшний момент в рамках данного подхода к измерению бедности сложилось два направления. В рамках первого внимание акцентируется, в первую очередь, на средствах к существованию, на способность покупать товары, необходимые для удовлетворения основных потребностей. Это означает, что при конструировании относительной черты бедности используется показатель медианного дохода, который можно определить не как средняя зарплата человека, а как зарплата среднего человека. Так, в США граница относительной бедности соответствует 40 % медианного дохода, в большинстве стран Европы – 50 %, в странах Скандинавии – 60 %.

Согласно второму направлению, получившему название гражданско-правовой теории бедности, бедность измеряется через лишения в широком смысле этого слова. В рамках данного направления рассматривается, позволяют ли располагаемые средства полноценно участвовать в

жизни общества на основании определенных базовых наборов учитываемых лишений, доступны ли человеку такие социальные блага, как возможность оплаты услуг образования, здравоохранения, насколько полна продовольственная корзина члена общества.

Необходимо также отметить, что при измерениях бедности населения страны очень важно понимать соотношение абсолютной и относительной бедности. Масштабы относительной бедности не совпадают с масштабами абсолютной бедности. Абсолютная бедность может быть ликвидирована, но относительная бедность сохраняется всегда, вследствие того, что неравенство является неперенным атрибутом стратифицированных обществ. Относительная бедность сохраняется и даже возрастает, когда стандарты жизни всех социальных слоев повышаются.

3. Субъективный подход к измерению бедности основан на оценках материального положения и уровня жизни, сделанных самими опрашиваемыми. Субъективный подход устанавливает черту бедности на основе анализа представлений населения о том, какой объем ресурсов необходим для удовлетворения минимальных потребностей. Такая оценка важна для социальной политики, поскольку те, кто субъективно относят себя к бедным, как правило, претендуют на участие в социальных программах для бедных даже в том случае, если объективно таковыми не являются. При расчете показателя субъективной бедности обычно ориентируются на субъективную оценку денежных средств семьи и субъективную оценку принадлежности семьи к определенной социальной группе (крайне бедные, бедные, средний класс и пр.).

Понятие бедности настолько сложное многоуровневое по своему характеру, что каждый из подходов характеризует определенный уровень бедности, раскрывая только некоторую часть данного явления. В этой связи все больше находит распространение в среде ученых и в статистике западных стран комбинированный подход. Комбинированный подход предполагает использование каких-либо комбинаций вышеуказанных подходов, который позволяет более полно учесть бедность во всех ее проявлениях.

Однако на сегодняшний момент в основе официально принятого в России метода измерения бедности лежит лишь концепция абсолютной бедности, предполагающая определение минимальных потребностей и круга товаров и услуг, удовлетворяющих эти потребности (состав так называемой потребительской корзины). Стоимо-

стная (в денежной форме) оценка набора товаров и услуг, удовлетворяющих минимальные для данного уровня общественного развития потребности, обеспечивающие поддержание здоровья и сохранение работоспособности, получила название прожиточного минимума (ПМ).

В отечественной экономической литературе понятие «бедность» появилось относительно недавно. Это связано с тем, что в СССР вплоть до конца 1980-х гг. термин «бедность» в силу идеологических соображений не применялся. Считалось, что существовали лишь так называемые «малообеспеченные» слои населения. Официальное признание категория «бедность» получила лишь в конце 1980-х гг., когда Россия вступила на путь рыночных экономических преобразований. Проблема бедности в постсоветской России затронула большую часть населения. За период с 1991 г. по настоящее время Россия испытала экономический спад в пятый раз: 1) либерализация цен с 1 января 1992 г.; 2) финансовый кризис в 1994 г.; 3) финансовый кризис в августе 1998 г.; 4) экономический кризис, начавшийся в сентябре 2008-2009 гг.; 5) экономический спад 2014- по настоящее время.

Экономический кризис начала 90-х гг. XX в. разразился после распада СССР и повлек за собой разрушение единого народнохозяйственного комплекса. Это обусловило резкое падение производства, которое в свою очередь вызвало рост безработицы, сокращение доходов и значительное снижение уровня жизни большинства населения, либерализацию цен и заработных плат – дифференциацию доходов. В результате, масштабы бедности, измеренные показателями численности и доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, увеличились более чем в восемь раз и достигли в 1992 г. 49,7 млн чел., или 33,5 % от общей численности населения. Таким образом, произошло практически двукратное снижение реальных доходов населения, которые в 1992 г. составили 52,5 % от уровня доходов 1991 г. Такое реформирование российской экономики получило название реформ «шоковой терапии».

Впоследствии «шоковая терапия» первых лет рыночных преобразований сменилась тактикой, построенной на основах неолиберализма, что предполагало устранение государства из сферы экономики, приватизацию государственной собственности и либерализацию экономической деятельности. Однако массовая приватизация государственной собственности не привела к ожидаемым от нее результатам и не повлекла за со-

бой ни ожидаемого роста инвестиций, ни увеличения числа рабочих мест, ни повышения заработной платы [3]. Результатом такой политики стали непрекращающиеся трансформационные кризисы в течение 1990-х гг., пик которых пришелся на 1994 г. и 1998 г. Безусловно, это не могло не отразиться на социальной сфере. Численность бедного (с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума) населения выросла с 1997 г. по 1998 г. с 30,7 до 35 млн чел. (на 14 %), с 1998 по 1999 гг. – с 35 до 41,6 млн чел. (на 18,9 %). Соответственно, доля бедного населения в общей численности населения страны увеличилась с 1997 по 1999 гг. почти в 1,5 раза – с 20,8 % до 28,4 % и в 2000 г. – до 29 %, составив 42,3 млн чел. Таким образом, бедность приобрела характер системного явления.

После кризиса 1998 г. в российской экономике впервые за постсоветское время наблюдался экономический рост (с 1999 г. по 2007 г.), который по своей природе был компенсационным и сырьевым. Экономический рост был направлен на восстановление экономики после кризиса и был обусловлен благоприятной конъюнктурой цен на природные ресурсы. В результате, начиная уже с 2001 г., показатели бедности снизились более чем в 2 раза: за период 2000-2007 гг. численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума уменьшилась с 42,3 млн чел. до 18,7 млн чел., уровень бедности снизился с 29 % до 13 %.

Начавшийся вслед за глобальным кризисом в сентябре 2008 г. в России новый экономический кризис сопровождался резким снижением ВВП, падением объемов промышленного производства и снижении занятости. Так, во втором квартале 2009 г. по сравнению со вторым кварталом 2008 г. ВВП снизился на 10,9 %, объем промышленного производства – на 15,4 %, занятость населения – на 2,9 %. Россия заняла лидирующую позицию в падении экономики по сравнению с крупнейшими развитыми странами. Однако уже в 2010-2011 гг. российская экономика начинает постепенно восстанавливать свои позиции. Темп роста реального объема ВВП России составил в 2010 г. 4 %, в 2011 г. – 4,3 %. Между тем по итогам развития страны за этот период восстановление экономики происходит не столь быстро, как ожидалось.

Основной проблемой для нашей страны явилось то, что основой развития осталась прежняя экспортно-сырьевая направленность национального хозяйства. В России в кризисных условиях экономики наблюдается замедление темпов сокращения уровня абсолютной бедности, а в 2011 г. даже

ее рост: в 2008 г. – 13,4 %, в 2009 г. – 13,0 %, в 2010 – 12,5 %, в 2011 г. – 12,7 % [4]. Показатель такой высокой абсолютной бедности в России и его рост в 2011 г. свидетельствует о том, что, несмотря на некоторое сокращение бедности в период экономического оживления, основная ее причина так и не была устранена. В 2015 г. бедная

часть населения России согласно официальной статистике увеличилась до 23 млн по итогам первого квартала, что на 3,1 млн чел. больше, чем за аналогичный период прошлого года, и уровень бедности составил 16 % [5].

Таким образом, в России наблюдается рост уровня бедности, начиная с 2012 г. (рис. 1).

Рис. 1. Динамика уровня абсолютной бедности в Российской Федерации [4]

Однако оценка бедности как социально-экономического явления на основе прожиточного минимума ущербна уже в силу несовершенства методики определения МРОТ. Более объективную оценку уровня бедности дает сравнение с общепринятым, считающимся в данном обществе «нормальным» уровнем жизни. Речь идет об относительной бедности, которая может быть оценена как 60 % медианного среднедушевого денежного дохода, то есть дохода, при котором население делится по среднедушевым доходам пополам, при этом первая половина имеет доход ниже медианы, а вторая – выше. В 2014 г. доля относительно бедного населения в России составила по европейским стандартам 18,5 %.

Безусловно, различие методик обусловлено, прежде всего, разным уровнем жизни в странах мира. Поэтому, если в развитых странах объектом социальной политики является относительная бедность, то в развивающихся странах – абсолютная бедность.

Интересными в этой связи представляются межстрановые сопоставления абсолютной бедности в странах БРИКС (табл. 1).

Согласно статистическим данным, посчитанным на основе методики ООН с учетом паритета покупательной способности национальной валюты стран БРИКС, следует, что Россия является наиболее развитой страной данной группы с точки зрения уровня жизни ее населения. Тем не менее, следует учитывать минимум два обстоятельства. Во-первых, это стартовые условия развития стран БРИКС, весьма неоднозначные и с точки зрения естественных факторов и с позиций предшествующего этапа развития стран.

Следует понимать, что социальную защиту того же Китая отличает традиционный, семейно-коллективный характер, в соответствии с которым социальная помощь – это, главным образом, функция семьи, а также территориальной общины. Сельское население вообще не было охвачено системой социальной защиты в нашем привычном понимании вплоть до начала XXI в. Несмотря на то, что с 2001 по 2010 гг. бюджетные расходы на социальные нужды выросли в 4,6 раза и составили 10,1 % всех расходов бюджета «49 % китайцев «крайне озабочены» перспективами своего пенсионного обеспечения, а 35,5 % – возмещением расходов на здравоохранение» [6].

Таблица 1

Доля населения, имеющего доходы ниже границы бедности, установленной на международном уровне с учетом паритета покупательной способности, в % от общей численности населения [5]

	Доля населения, имеющего среднедушевые доходы ниже:						Справочно: доля населения с доходами ниже прожиточного минимума
	1,25 долл. в день	2 долл. в день	2,5 долл. в день	4 долл. в день	5 долл. в день	10 долл. в день	
Российская Федерация							
2009 год	0,0	0,0	0,1	0,6	1,2	8,6	13,0
2010 год	0,0	0,0	0,1	0,6	1,2	8,6	12,5
2011 год	0,0	0,0	0,1	0,5	1,1	8,3	12,7
2012 год	0,0	0,0	0,1	0,4	1,0	7,3	10,7
2013 год	0,0	0,0	0,0	0,3	0,7	5,7	10,8
Справочно:							
Бразилия							
2012 год	3,8	6,8	9,6	20,8	27,9	...	9,0
Индия							
2012 год	23,6	59,2	73,8	91,2	99,6	...	21,9
Китай							
2011 год	6,3	18,6	26,9	49,1	59,9	...	...
ЮАР							
2011 год	9,4	26,2	34,2	50,3	57,3	...	45,5

Для сравнения: расходы консолидированного бюджета России на социальную политику в 2005 и 2006 гг. составляли 28 %, в 2007 г. – 25 %, в 2008 г. – 27 %, в 2009 г. – 29 %, в 2010 г. 34 % [7].

В этой связи весьма сомнительна позиция, согласно которой масштабы перераспределения национального дохода в России могли бы ориен-

тироваться на показатели стран БРИКС, поскольку для этого нет ни исторических, ни социокультурных, ни природно-климатических предпосылок.

В свое время Ф. Бродель весьма верно сформулировал, где проходит граница между Европой и не-Европой: по нулевой изотерме января (рис. 2).

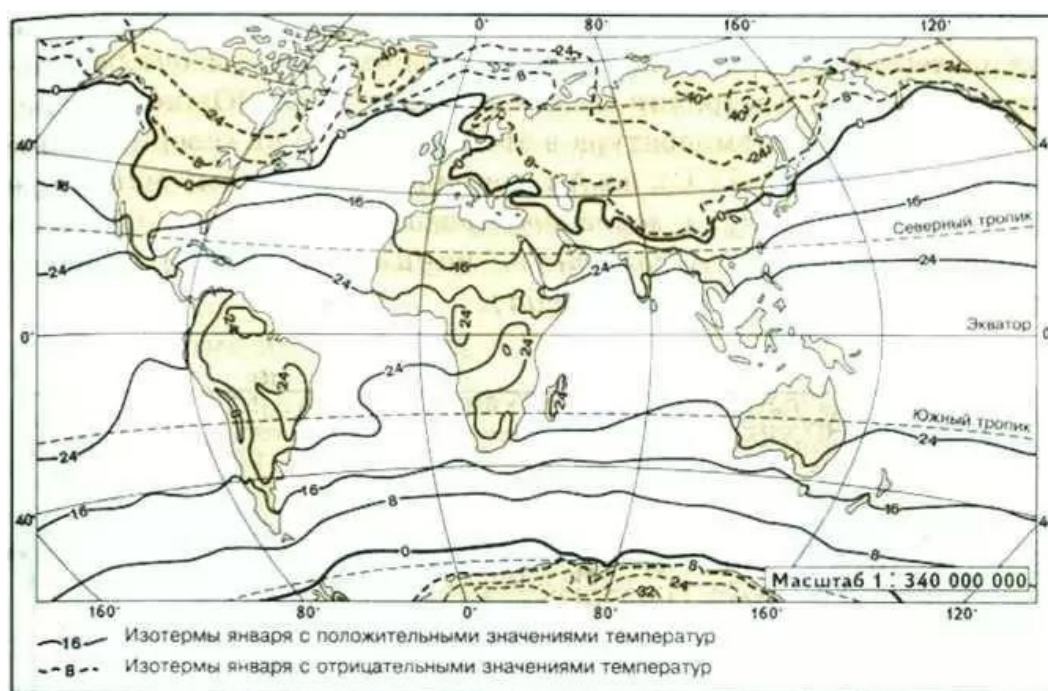

Рис. 2. Нулевая изотерма января

С экономической точки зрения, этот климатический репер примечателен не только существенными различиями сельскохозяйственного цикла, который на западе стремиться к круглогодичности, но и принципиальными различиями в эффективности экономики с точки зрения энергетической составляющей. Уже только в силу этого межстрановые сопоставления абсолютной бедности весьма условны.

Таким образом, неоднородная структура бедности, которая согласно классификации В. А. Аникина и Н. Е. Тихоновой, включает как минимум три разных типа структурной бедности (прединдустриальная, индустриальная и постиндустриальная бедность) и два типа индивидуальной бедности (бедность из-за неблагоприятных семейных обстоятельств в условиях слабости социальной политики и бедность маргинализирующейся и люмпенизирующейся части населения), означает отсутствие универсальных рецептов социальной политики борьбы с бедностью [8].

Во-вторых, это само восприятие бедности на субъективном уровне. Субъективный подход к измерению бедности также важно учитывать в социальной политике еще и потому, что за личным мнением об уровне жизни всегда стоит мнени-

е о причинах бедности, которое определяет социальное поведение индивидов.

Российская бедность имеет глубокие корни в индивидуальной психологии, которая формируется под влиянием внутренней политики государства. Болезненное восприятие растущей дифференциации российского общества спровоцировано не только текущим экономическим спадом, но и диссонансом между внешней и внутренней политикой российского государства. Вот только одно, достаточно типичное мнение на этот счет: «Сегодня мы достаточно укрепились в области глобальной и внешней политики, однако внутренняя политика остается несогласованной с ними. Внутри страны концептуальная неопределенность... выражается в росте скрытого недовольства ситуацией внутри страны, что пытаются использовать оппозиционные силы» [9].

На фоне актуализации ценностных ориентиров внешней политики, близких культурному архетипу российского общества, падение уровня жизни большей части населения, сопровождающееся ростом имущественной дифференциации общества (рис. 3), вызывает неприятие существующей модели социальных отношений в России. Это порождает социальную апатию.

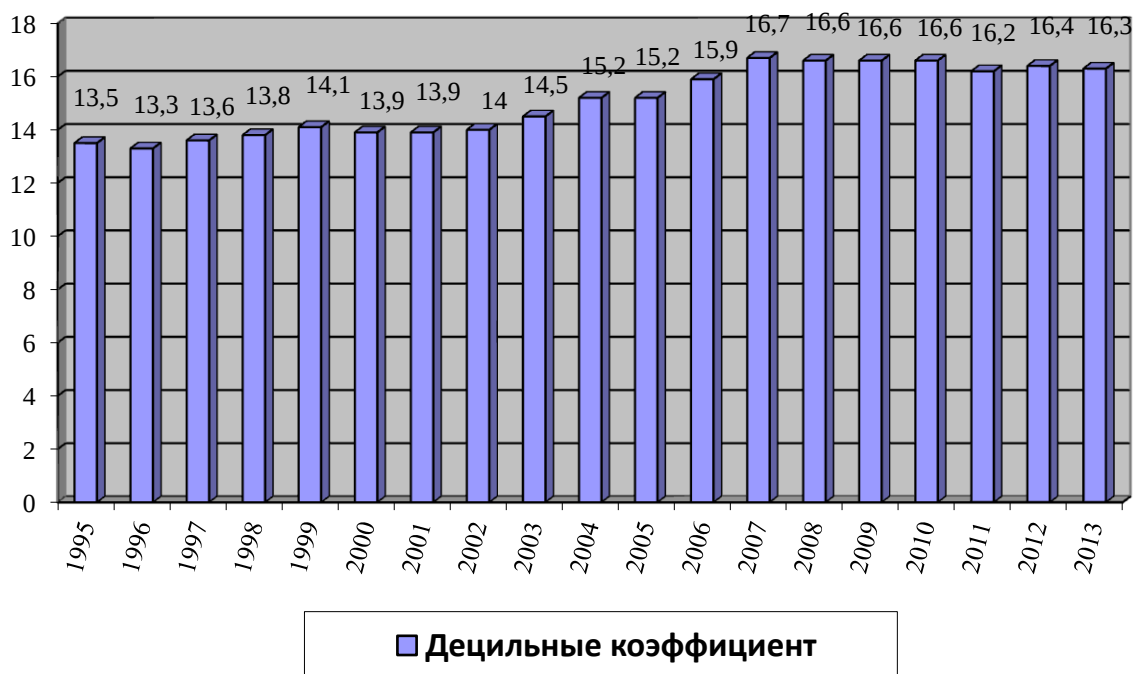

Рис. 3. Динамика децильного коэффициента в России

Закономерно в этой связи выглядят результаты социологических опросов [10]. Бедные выбирают ту модель социальных отношений, которая в

памяти пока еще многих поколений, родившихся в СССР, представляется более справедливой, чем современная российская версия капитализма.

Литература

1. Таунсенд П. // Townsend P. Measuring Poverty // British Journal of Sociology. 1954.
2. URL: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RBlktuxy.
3. Ишмуратова В. Г. Структурно-логическая причинно-следственная модель механизмов и инструментов борьбы с бедностью в условиях трансформационной экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 10 (264). Экономика. Вып. 38. С. 43-52.
4. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty
5. URL: <http://lenta.ru/news/2015/06/11/23mln/>
6. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/11/01/put_k_ravnopraviyu
7. URL: http://www.hse.ru/data/2015/05/19/1097215048/2015_3q_SocialSpending_fin_z.pdf
8. Аникин В. А., Тихонова Н. Е. Бедность в России на фоне других стран // Мир России. 2014. № 4.
9. URL: <http://inance.ru/2015/12/poslanie-putina>
10. Левашов В. К. Глобализация и патриотизм. Опыт социологического исследования. М., 2006. С.147.

References

1. Tounsend P. // Townsend P. Measuring Poverty // British Journal of Sociology. 1954.
2. URL: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RBlktuxy.
3. Ishmuratova V. G. Strukturno-logicheskaya prichinno-sledstvennaya model' mekhanizmov i instrumentov bor'by s bednost'yu v usloviyakh transformatsionnoj ekonomiki [Structural and logical cause and effect model of mechanisms and instruments of fight against poverty in the conditions of transformational economy] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 10 (264). Ekonomika. Vyp. 38. S. 43-52.
4. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty
5. URL: <http://lenta.ru/news/2015/06/11/23mln/>
6. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/11/01/put_k_ravnopraviyu
7. URL: http://www.hse.ru/data/2015/05/19/1097215048/2015_3q_SocialSpending_fin_z.pdf
8. Anikin V. A., Tikhonova N. E. Bednost' v Rossii na fone drugih stran [Poverty in Russia against other countries] // Mir Rossii. 2014. № 4.
9. URL: <http://inance.ru/2015/12/poslanie-putina>
10. Levashov V. K. Globalizatsiya i patriotizm. Opyt sotsiologicheskogo issledovaniya [Globalization and patriotism. Experience of sociological research]. M., 2006. S.147.

* * *

POVERTY AS THREAT OF ECONOMIC SECURITY OF THE STATE: METHODOICAL ASPECTS AND SYSTEM REALITIES

NYUKHNYA IRINA VIKTOROVNA

Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
Tambov, the Russian Federation, e-mail: econom_404@mail.ru

In the article the author presented results of research of a problem of poverty as threats of economic security of the state from two positions: first, from the point of view of methodical approaches to an assessment of level of national poverty and possibility of intercountry comparison of this phenomenon and, secondly, from the point of view of the mechanism of influence of poverty on stability of national economic system. As a result of research of the first aspect the author established that the techniques of intercountry comparison of level of poverty accepted now raise the certain doubts connected with various stages of historical development of the countries even within one statistical group (BRICS group developing countries) characterized by various climatic zones, various cultural traditions, and the structural features of economy complicating the comparative statistical analysis. First of all, different standard of living in the countries of the world causes distinction in methodical approaches. In the developed countries object of social policy is relative poverty, whereas in developing countries – absolute poverty which is non-uniform on the structure. Poverty as threat of economic security of the state closely connects with perception of poverty and its reasons at the subjective level defining social behavior of the population. The growing dissonance between foreign and domestic policy of the Russian state aggravates influence of impoverishment of the population of the country on stability of its economic system. Against updating of the valuable reference points of foreign policy close to a cultural archetype of the Russian society, the falling of a standard of living of the most part of the population followed by growth of property differentiation of society causes rejection of the existing model of the social relations in Russia and is a serious factor of destabilization of the Russian society.

Key words: poverty, social inequality, economic security